

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1928

В. Ф. Гиргас.

(К сорокалетию со дня его смерти).

В начале марта текущего года исполнилось 40 лет со дня смерти профессора С.-Петербургского Университета по кафедре арабской словесности Владимира Федоровича Гиргаса; из современных ему ориенталистов здравствует только один Th. Nöldeke, который моложе его на три месяца (род. 2 марта 1836 г.). В одном из некрологов, появившихся после смерти В. Ф. Гиргаса,¹ была выражена уверенность, «что кто-нибудь из близко знавших покойного не замедлит составлением подробного некролога так преждевременно скончавшегося ориенталиста». Эта оптимистическая уверенность не оправдалась и, может быть, поэтому мы располагаем крайне скудными сведениями о биографии В. Ф. Гиргаса.

Я принадлежу еще к тому поколению арабистов, которое получило свое университетское образование целиком на пособиях, составленных В. Ф. Гиргасом, но сам он представлялся для нас уже какой то мифической личностью. Повидимому, даже у современников его фигура была быстро заслонена его работами и ряд обстоятельств, связанных с его личной жизнью, остался во мраке. Не известна точная дата его смерти, в официальных источниках существуют колебания в дате его рождения.²

Происходил Гиргас из старинного польско-литовского дворянского рода, принадлежавшего к лютеранскому вероисповеданию, насколько можно судить по именам известных его однофамильцев (Карл, Христиан, Густав, Цецилия, Эмилия). Вероятно, смешанные браки обратили некоторые линии

¹ «Новости» от 16 марта 1887 г., № 73 (и «Московские Ведомости» от 18 марта 1887 г., № 76, где тот же некролог).

² Основным источником моей статьи, кроме работ самого Гиргаса и скудной печатной литературы о нем, которая будет указана в конце, является относящееся к нему «Дело № 60 Совета Императорского С.-Петербургского Университета (начато 15 мая 1865 г.)», которое хранится в архиве Университета, и бумаги Факультета Восточных Языков того же Университета за 1860—1880 гг.

этого рода в православных. Отец его был, повидимому, военным,¹ как и целый ряд членов той же семьи.²

Родился Гиргас в Гродне 1 декабря 1835 г.,³ но среднее образование проходил в С.-Петербурге в 4 гимназии; в западном крае у него оставались повидимому родственные связи и он бывал там часто еще в 70 годах, уже став профессором. В Университет Гиргас поступил в 1854 г. за год до торжественного открытия Факультета Восточных Языков; кончил он курс в составе первого полного выпуска в 1858 г.⁴ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду первым кандидатом.⁵ Во время прохождения университетского курса Гиргас состоял стипендиатом;⁶ трудно установить, оказал ли кто-либо из преподавателей особенно сильное влияние на развитие его научных интересов и склонностей. В рукописной заметке В. В. Григорьева, составленной в 1873 г. в связи с представлением Гиргаса в экстраординарные профессора,⁷ высказывается предположение о влиянии известного шейха Тантави, бывшего в годы учения Гиргаса ординарным профессором. Едва ли однако это так: Тантави преподавал только на старших курсах, но уже осенью 1855 г., когда Гиргас перешел на второй курс, был разбит параличем. Занятия с ним с этого времени не носили регулярного характера; в 1857 и 1858 г. его лекции распределялись между

¹ Известен полковник Федор Христианович Гиргас, штаб-офицер по искусственной части С.-Петербургского Арсенала, род. 7 июля 1800 г., ум. 1 мая 1847 г. (Петербургский Некрополь, т. I).

² Быть может, братом В. Ф. был Инспектор С.-Петербургской Военной Прогимназии в 1878 г. полковник Федор Федорович Гиргас. (Всеми данными об однофамильцах Гиргаса я обязан всегдашней готовности Б. Л. Модзалевского, с которой он делится необъятными сокровищами своих био-библиографических собраний).

³ Я беру дату, указываемую бар. В. Р. Розеном в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть его существования 1869—1894 гг.», том I, СПб. 1896, стр. 185. В «Списке профессоров и приват-доцентов Факультета Восточных Языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского Университета с 1819 г.» (составлен под наблюдением Н. И. Веселовского, ок. 1916 г.), стр. 6 указано 1 января 1835 г.; в Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Эфрона указывается 1836 г. (1-е изд., т. XVI, 1893, стр. 752; 2-е изд., т. XIII, стр. 591). Метрики в «деле» Гиргаса не оказалось: она была по его просьбе выдана ему вместе с докторским дипломом при выходе в отставку.

⁴ У В. В. Григорьева, Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб. 1870, стр. 384, указывается по недоразумению 1859 г., но в списке кончивших студентов Гиргас указан верно под 1858 г. (стр. CIV). Ошибка В. В. Григорьева повторена Н. И. Веселовским, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб. 1879, стр. 135.

⁵ Выпуски по Факультету Восточных Языков начинаются с 1856 г. (В. В. Григорьев, *op. cit.* CI), когда кончали студенты, поступившие на Историко-Филологический Факультет по разряду восточной словесности.

⁶ В. В. Бартольд, Материалы для истории Факультета Восточных Языков, том IV, СПб. 1909, стр. 93, прим. 2 и 94.

⁷ Находится в упомянутом Деле Совета № 60.

товарищами по Факультету.¹ Вторым преподавателем по арабской кафедре состоял М. Т. Навроцкий, переведенный в 1855 г. из Казани, человек добросовестный, но судя по рассказам современников не вызывавший особого энтузиазма в своих слушателях.² Для А. Казембека, по временам заменявшего преподавателей арабского языка, последний не был предметом специального внимания; В. В. Григорьев, который впоследствии приобрел значительное влияние на научные интересы студентов,³ тогда еще не входил в состав преподавателей Факультета. Повидимому, во времена студенчества интересы Гиргаса не оформились еще окончательно и он равномерно занимался тремя основными языками разряда. По окончании курса Гиргас был предложен к оставлению при Университете, но в том же 1858 г. взял свое прошение обратно⁴ и уехал в Париж, получив, как отмечается в упомянутой записке В. В. Григорьева, частное место гувернера. Досуг у него оставался и он посвятил его востоковедению, сосредоточив к этому времени свои занятия в области арабистики, вероятно, не без влияния местных сил. Знаменитого Silvestre de Sacy давно уже не было в живых (ум. 21 февраля 1838 г.); действовали два его ученика — ровесники Reinaud и младший Caussin de Perceval.⁵ Оба были в зените своей славы, оба перешли в седьмой десяток. Caussin de Perceval, автор знаменитого в свое время трехтомного «*Essai sur l'histoire des arabes avant l'islamisme*», педагогические занятия направлял главным образом в сторону языка, уделял внимание и диалектам;⁶ Reinaud, издатель географии Абū-л-Фидā, знаток разнообразных областей культурной истории, был шире в своих интересах и даже успевал следить за возрождением арабской литературы.⁷ Вероятно, из Парижа Гиргас вынес то внимательное отношение и к современному языку и к современному литературному движению арабов, которое он обнаружил во время своего пребывания на Востоке.

¹ Подробности в официальных бумагах о Тантави в «Деле Совета» Университета № 12*, начатом 4 ноября 1847 г.

² Ср. Н. И. Веселовский, Барон В. Р. Розен. Некролог. СПб. 1908, стр. 6-7. У своих товарищей по Казани (в частности у И. Н. Березина) он встречал почему то ироническое отношение. См. ЗКВ, т. I, 1925, стр. 179.

³ Н. И. Веселовский, *op. cit.*, стр. 6.

⁴ В. В. Бартольд, Материалы, IV, стр. 125.

⁵ Оба они родились в 1795 г.; первый умер в 1867 г., второй — в 1871 г. О юных годах последнего см. теперь Н. Deherain, *La jeunesse de l'orientaliste Caussin de Perceval* (Journal des Savants, 1926, 117-127).

⁶ Ему принадлежит популярная в свое время и выдержавшая много изданий *Grammaire arabe vulgaire* (1-е изд. 1824 г., 5-е — 1880 г.).

⁷ См. особенно: *De l'état de la littérature chez les populations chrétiennes arabes de la Syrie* (JA, 5 sér., v. IX, 1857, p. 465-489 и X, 1857, 458-460) и ряд других заметок (там же: 2 sér., v. VIII, 1831, 238-249; 4 sér., v. V, 1845, 116-118; 5 sér., v. XII, 1858, 309-325).

Преимущественное влияние на него оказал, повидимому, Reinaud и Гиргаса считали его учеником в родном Университете. К нему впоследствии обратился и Факультет за отзывом о молодом кандидате.¹ Два с половиной года провел Гиргас во Франции частным человеком; впоследствии эти года не были ему зачтены в службу, но связи с Факультетом он не терял. Когда здоровье Тантави окончательно расстроилось и приходилось думать о его преемнике, естественным кандидатом явился Гиргас.

Зимой 1860 г. он вернулся в Россию и 10 февраля 1861 г. закончил испытание на степень магистра.² Намеченная тогда же тема диссертации «Завоевание Египта Селимом», впоследствии была им оставлена.³ По ходатайству Факультета 31 мая 1861 г. он был командирован на два года на арабский Восток.⁴ Отправился Гиргас в свою поездку в августе 1861 г.;⁵ впоследствии срок его пребывания был продолжен по 1 мая 1864 г.

Все это время Гиргас провел в Сирии и Египте. О его работе там мы можем судить сравнительно хорошо на основании одного документа, который послужил исходным пунктом моего настоящего сообщения. Это — его отчет, представленный по возвращении с Востока, который в рукописно-автографе сохранился в делах Факультета за 1864 г.⁶ Он был получен 22 мая и по распоряжению декана А. Мухлинского передан для отзыва проф. М. Навроцкому, пометки которого имеются в отдельных местах рукописи. На «Отчет» уже было обращено внимание в русской научной литературе В. В. Бартольд в связи с вопросом о преемственности в работах русских арабистов.⁷ Для истории русской арабистики он является настолько важным документом, что вполне оправдывает приведение из него значительных извлечений.

Гиргас не был первым русским ориенталистом, отправленным для подготовки к профессуре на арабский восток. Приблизительно за сорок лет до него был в тех же местах Сенковский, за двадцать — Березин, который проехал Сирию быстро и провел больше времени в Египте.⁸ В «Отчете» Гиргаса виден известный прогресс в том, что план занятий построен уже

¹ В. В. Бартольд, Материалы, IV, 122, 125.

² В. В. Бартольд, *ibid.*, 125.

³ *Ibid.* Вероятно в связи с работой его над этой темой стоит переписанная им собственноручно копия турецкой рукописи *قانون سلطان سليمان بن سليم في مصر الحروسه* которая была им подарена в 1885 г. в библиотеку Университета (№ 910. См. «Список...» стр. 5).

⁴ *Ibid.*, 126.

⁵ Так он говорит в своем «Отчете», о котором будет речь ниже.

⁶ Входящий № 23.

⁷ Мир Ислама, т. I, 1912, стр. 414 прим.

⁸ ЗКВ, I, 1925, 183-185.

с более интенсивной, а не слишком экстенсивной программой занятий, как у предшественников. Его взгляд отличается даже большей реальностью, чем инструкция, данная Факультетом и составленная М. Т. Навроцким. В начале «Отчета» он пишет: ¹

«Отправляя меня на восток с целью изучения арабского языка, Факультет поручил мне посетить главнейшие земли, в которых употребляется арабский язык, как-то: Сирию с Палестиной, Египет, доступнейшие для европейцев места Аравийского полуострова, посвятив несколько времени на пребывание в Месопотамии и Ирак-Араби. При этом должно было не только заняться изучением Арабской Литературы и областных арабских наречий: сирийского, египетского, месопотамского, иракского и прочих, но требовалось также обратить внимание на образованность упомянутых стран, не упуская из вида приобретение для библиотеки университета важных и редких рукописей и замечательных печатных изданий, вышедших в последнее время из типографий Востока; на что выдана была впоследствии особенная сумма в 400 руб.

Находя, что время и средства, данные мне университетом, были недостаточны для исполнения сей программы во всей ее полноте, я решился ограничиться исследованием образованности и изучением наречий Сирии с Палестиной и Египта, так как эти страны более доступны для европейцев, надеясь в то же время, что исследование прочих стран и наречий может быть совершено в другой раз при более благоприятных обстоятельствах».

Весь «Отчет» распадается на три основных части: характеристику «системы мусульманского образования», «состояние образованности» посещенных стран и характеристику разговорного языка в них с его наречиями.

Для ознакомления с «системой образования» Гиргас изучил под руководством мусульманских шейхов те сочинения, которые приняты в качестве пособий по разным отраслям мусульманских наук. Список этот очень поучителен, так как он дает нам возможность сделать некоторые обобщения, особенно при наличии аналогичного материала в автобиографии Тантави, захватывающей приблизительно 20-30-ые годы,² и данных Vollers'a о преподавании в ал-Азхар, относящихся к концу XIX и началу XX в.³ Видно, что за промежуток в сорок лет как в одну, так и в другую сторону,

¹ В выдержках и везде сохраняю пунктуацию автора. На полях («Отчета» Навроцким проставлены цифры глав и даны для наглядности заголовки; я их опускаю, отмечая в примечаниях только некоторые заметки, относящиеся к существу «Отчета».

² Она опубликована Kosegarten'ом с немецким переводом в ZKM, VII, 1850, 43-63 и 197-200. Большинство упоминаемых им сочинений идентифицировано Gottwald'ом в ZDMG, IV, 1850, 243-248.

³ Enzyklopaedie des Islām, I, 1913, 559-560.

т.-е. почти на протяжении столетия, в системе мусульманского образования никаких серьезных перемен не произошло: достаточно отметить, что из четырех сочинений по грамматике (сарфу и нахву) три изучались и Тантави: *الاجرومية*¹, *شرح الألفية لابن عقيل*² и *مغنى اللبيب*³; все три фигурируют у Vollers'a.⁴ Аналогичная пропорция остается и в других областях. В науке «адаба» автобиография Тантави упоминает два произведения, называемые Гиргасом: *حاشية الباجورى على سلم للأخضرى*⁵ и *حاشية الدسوقى*⁶; у Vollers'a к ним присоединяется еще третье: *رسالة الشيخ صبان فى علم البيان*⁷. По богословию оба сочинения появляются у всех трех авторов: *السنوسية*⁸ и *مصطلح الحديث للفرامى*⁹. Сочинения по фикху, перечисляемые Гиргасом: *شرح القدورى للمبدانى*¹⁰ и *المنار*¹¹, не упоминаются Тантави, вероятно потому, что он, как сам говорит в автобиографии, не чувствовал склонности к этой области знания. Кроме упомянутых сочинений, из бывших в ходу традиционных продуктов арабской науки Гиргас указывает еще среди им изученных по «адабу» *خزانة الادب فى البدع للحموى*¹². Значительно более показательно появление

¹ Gottwald в ZDMG, loc. cit. 243, № 1.

² Ibid. 243, № 4.

³ Ibid. 244, № 10.

⁴ Enzyklopaedie des Islām, I, 559.

⁵ Gottwald в ZDMG, IV, 244, № 16.

⁶ Ibid. 243-244, № 6, 7.

⁷ Enzyklopaedie des Islām, I, 559. Ср. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Literatur, II, 288, № 19. Рукопись, по которой Гиргас изучал это произведение, сохранилась и находится в библиотеке Ленинградского Университета (Ms. O. 841). Она содержит много приписок рукой Гиргаса на полях.

⁸ ZDMG, IV, 244, № 19 и Enzyklopaedie des Islām, I, 559.

⁹ В названии этого сочинения у Гиргаса крупное недоразумение, говорящее о том, что уже в его время имя автора было совершенно забыто. Повидимому и Vollers'у оно было неизвестно, так как он говорит (Enzyklopaedie des Islām, I, 559) только: «...und der nach den Anfangsworten Gharāmī ṣaḥīḥ betitelte kurze Text». Это — небольшое стихотворение в 20 стихов, где в форме обычного эротического произведения собраны все технические термины науки о хадисах. Начинается оно словами *غرامى صحيح والرجا فيك معضل*, обычно носит название *المنظومة* или *القاب الحديث فى غزلية* и принадлежит автору XIII в. *إجد بن فرح الاشبيلى* (См. Brockelmann, op. cit. I, 372, № 16 и Ahlwardt, Verzeichniss der arabischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin, II, 12, № 1049-1050; комментарий на него — *ibid.*, 1051-1062. Один из комментариев издал в 1885 г. в Лейдене F. Risch).

¹⁰ Произведение XIX в. (ср. Brockelmann, op. cit. I, 175 i), упомянутое в качестве источника Гиргасом в его диссертации «Права христиан на востоке по мусульманским законам», СПб. 1865, стр. III с.

¹¹ Точнее *منار الانوار* ан-Несефй XIV в. (Brockelmann, op. cit. I, 196, № 1 I).

¹² XIV—XV в. Brockelmann, op. cit. II, 16, № 1.

в его списке двух произведений новой арабской литературы, первых отражений зарождавшегося нового периода, который мог наблюдать Гиргас в Сирии. Это — грамматический трактат маронитского митрополита Германа Фархата (ум. в 1732 г.) *بحث الطالب* и учебник метрики *محيط الدائرة في علمي العروض والقافية* американского миссионера К. Ван Дейка (1818 — 1896), известного деятеля арабского возрождения в Сирии, которому впоследствии поставлен памятник в Бейруте.¹ Конечно, эти произведения изучались Гиргасом не под руководством мусульманских шейхов, как сказано у него в заголовке списка: они принадлежали христианам и в эту эпоху не могли еще найти себе доступа в мусульманскую среду, но самое появление их в школьных программах знаменует уже начало новой эры.

Для характеристики ее не менее интересный материал дает вторая часть «Отчета», посвященная «состоянию образованности этих стран», при чем автор считает «необходимым провести параллель между состоянием образованности у мусульман и находящихся под их владычеством христианских населений». Говоря о первых, Гиргас останавливается, главным образом, на академии ал-Азхар, кратко упоминая про училища нового типа.

«Мусульманская образованность Арабов сосредоточена в настоящее время в Египте, где находится их известная академия Ель-езгер при джами² (мечеть соборная) того же имени; куда стекаются из всех земель желающие получить высшее образование, так как в Сирии и других землях, кроме первоначальных школ для изучения корана, не существует никаких высших училищ. С четырех или пяти лет дети мусульман поступают в эти первоначальные школы, где под руководством Шейха они учат наизусть коран. Окончив это изучение продолжающееся 4 или 5 лет, они поступают в Ель-езгер, где бедные из них получают комнаты в так называемых руваках (домах для учеников), и по несколько хлебов в день: прочие же издержки они должны снискивать собственными трудами, как-то: переписыванием книг и т. п. Не получившие же комнат, живут и спят во дворе джами. Таких руваков несколько, — смотря по землям, из которых прибывают слушатели. Так есть рувак шевам (сирийцев), рувак сандийцев (жителей верхнего Египта), рувак румелийцев (обитателей Европейской Турции). Каждый рувак имеет своего Назыра (смотрителя) и библиотеку, из которой муджавиры (ученики) получают книги. В этой академии находится до 150 шейхов и до пяти тысяч слушателей известных вместе под именем еглуль-езгер (семейство ель-езгер). Некоторые из шейхов получают пособие от правительства; большая же

¹ Основательная биография его с перечнем работ дана Ф. Таррази в его تاريخ الصحافة العربية т. I, Бейрут 1913, стр. 144-150.

² В собственных именах и арабских словах я везде сохраняю начертание оригинала.

часть, кроме нескольких хлебов в день, не получают ничего, и должны снискивать свое пропитание уроками, или занимая частные должности. Издержки джами ель-езгер и находящейся при ней академии покрываются отчасти доходами с бесчисленных аукафов (посвященных на ее содержание домов и земель), а также пособием, выдаваемым ежегодно египетским правительством. Поступающие в Ель-езгер, остаются в ней от 10 до 15 лет, слушая лекции разных шейхов по разным отраслям мусульманских наук. Каждый из шейхов, читающих лекции, получает место у одной из колон джами, у подножия которой он располагается со своими слушателями, которым обыкновенно читает текст избранного сочинения, пополняя и объясняя его своими замечаниями. Кроме упомянутых мною наук, муджавиры слушают еще ильм-ут-тефсир (толкование корана), ильм-уль-хадис и др.; при чем надо заметить, что в настоящее время исключительно обращают внимание на богословские и юридические науки, оставляя преподавание географии, истории, математических и естественных наук, как предметов неотносящихся к религии. Система преподавания заключается в том, что слушатели переходят постепенно по всем отраслям наук от слушания сочинений излагающих вкратце преподаваемые науки, к другим излагающим их более подробно. Так по сарфу и нахву ученики слушают сперва хашиет-ут-Тафтазани ала-ль-еджрумие, затем шерх-Ибн-Акиля на ельфие, после того хашие Саббана на Ешмуни и заключают слушанием Мугни. Эта система имеет ту выгоду, что слушатели могут превосходно изучить преподаваемую науку, но она требует продолжительного времени. Кроме того исключительное изучение богословских и юридических наук иссушает сердце и ум, наполняя его одними техническими терминами, не имеющими никакого приложения к жизни. Оттого мы замечаем во всех ученых мусульманах необыкновенную отсталость и отсутствие первоначальных понятий о географии, истории, не говоря уже о естественных и математических науках. — По окончании полного курса мусульманских наук, муджавиры получают от разных шейхов, по предметам которых они слушали лекции, письменные дозволения (иджазе), которыми ему дозволяется читать лекции по этим наукам. Одни из них получают места кадиев или муфтиев в провинциальных городах, другие остаются при академии Ель-езгер, а третьи занимают частные должности. Вообще положение их не утешительно, чему надо приписать в некоторой степени упадок наук у арабов в настоящее время.

Что же касается училищ, учрежденных в Египте Мухаммедом Али Пашей, то большая часть их была уничтожена при его преемниках, и в настоящее время существует одно медицинское училище в Каср-ул-Айн подле Каира. Недавно вошедший на египетский престол Исмаил Паша основал училище в Аббасие, резиденции Аббаса Паши, в котором дети как мусульман, так и христиан изучают арабский и турецкий языки, географию, историю, математику, французский,

английский и итальянский языки; но так как оно еще недавно основано, то о нем нельзя ничего сказать. Молодые же люди, воспитывающиеся за границей, или же в училищах, основанных Мухаммедом Пашей, хотя и получили образование более сходное с европейским, но, перестав быть мусульманами, они не сделали европейцами».¹

Переходя к состоянию образованности у арабских христиан, Гиргас характеризует уже не только школьное дело, но и литературную работу, развитие книгопечатания и периодической прессы. В русской науке уже была указана верность его замечания о том, что «христианские населения Востока в деле образованности стоят гораздо выше мусульман».² Его наблюдения и выводы приобретают особую ценность потому, что он попал в Сирию в начале одного из самых важных периодов ее новой истории. Шестидесятые годы дали толчок автономии Ливана; после сирийской междоусобной войны с выселением основной части христианского населения из Дамаска в Бейрут последний окончательно приобретает гегемонию как в области интеллектуальной, так и экономической жизни Сирии. В «Отчете» Гиргаса правильно учтена и роль иностранных духовных миссий, только что утвердившихся в Сирии, и значение кружка деятелей, группировавшихся около Б. Бустāнī, и влияние Сирийского Научного Общества. Его замечания приобретают теперь, при наличии некоторой исторической перспективы, значение первоисточника и заслуживают опубликования полностью.

«Образование же христианских населений Востока в начале нынешнего столетия находилось в довольно плачевном состоянии, и только с появлением американской миссии дело образования подвинулось несколько вперед. Американская миссия, появившись в Сирии в начале тридцатых³ и в Египте в сороковых годах, с целью склонить тамошние христианские населения к своему вероисповеданию, основала в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Александрии, Каире и других городах Востока училища для воспитания детей восточных христиан обою пола. Они получали образование на родном языке и приобретали главные понятия о законе божием, географии, истории, математических науках. Для этого составлены были американскими миссионерами учебники на арабском языке; заведена была типография в Бейруте. Разумеется все образование было направлено с целью приобрести себе

¹ Состояние школьного дела в Египте после Мухаммеда 'Алī и при Исма'їле (с 1863 г.) достаточно обстоятельно обрисовано Ж. Зейдāном в его *تاریخ آداب اللغة العربیة*, т. IV, Каир 1914, стр. 24-34.

² В. В. Бартольд, в «Мире Ислама», I, 1912, 414 примеч.

³ Точные даты появления духовных миссий в Сирии см. в моей статье «Восточный Факультет Университета св. Иосифа в Бейруте» СПб. 1910 (оттиск из ЖМНП), стр. 8.

последователей в молодом поколении; но появление их имело благотворное влияние на дело образования, потому что арабские христиане прочих вероисповеданий, желая противодействовать их влиянию основали по их примеру училища, или же дали уже существовавшим у них более широкие начала. Таким образом, при содействии нашего правительства, основаны для детей христиан греческого вероисповедания училища в Бейруте, Дамаске, Иерусалиме, Каире. В этих училищах дети обоего пола получают образование на родном языке и кроме арабского языка и закона божия изучают еще: географию, историю, математические науки, греческий, французский и итальянский языки; девочки же сверх того учатся рукоделию.

Христиане католического вероисповедания при содействии Франции основали училища в Бейруте, Дамаске, Алеппе, Иерусалиме, Каире, Александрии и прочих городах Сирии и Египта; в которых дети обоего пола получают образование под руководством иезуитов, лазаристов, *sociétés de charité* на французском языке, так что окончившие курс в этих заведениях, по выходе из них, доканчивают изучение своего родного языка.

Также лютеране и протестанты при содействии Пруссии и Англии основали училища в Бейруте, Иерусалиме, Каире. Христиане прочих вероисповеданий, как-то: марониты, обитатели Ливанских гор между Триполи и Бейрутом, имеют свое училище в монастыре Айн Варка, по близости Джунн, где молодые марониты получают образование более с целью религиозною, так как они изучают: арабский, сирийский¹ и итальянский языки, закон божий, церковную историю, Ментык и богословие и предназначаются в церковнослужители. Точно также Копты (египетские христиане) имеют свои училища в Каире, Александрии и других городах Египта.

Вообще можно сказать, что христианские поселения Востока в деле образованности стоят гораздо выше мусульман. Они одарены живым и понятливым умом, удивительною способностью к изучению иностранных языков, но так как все они отличаются практическим направлением ума и не видят пользы в науке, если она не приносит им известных выгод, то получаемое ими образование чрезвычайно поверхностно, и многие родители берут своих детей из училищ, прежде окончания курса, как только видят, что те начали уже болтать несколько на каком-нибудь иностранном языке и стараются извлечь из них пользу. Однако дело христианской образованности на Востоке, благодаря содействию Европы, подвигается все более и более вперед, чему служат доказательством некоторые новейшие сочинения, вышедшие из бейрутской типографии, число которых хотя и ограничено, но свидетельствует о заметном умственном перевесе христиан над мусульманами. Так из ученых христиан, находящихся в Бейруте, замеча-

¹ М. Т. Навроцким поставлен на полях вопросительный знак.

тельны: Насыф-ель-Язиджи, сочинивший в подражание Харири книгу Макамат, а также руководство к изучению арабской грамматики под именем джеуф-уль-фера, логику и другие сочинения, Бутрус-уль-Бистани перевел с английского Робинзона Крюзоэ, издал с комментариями Бехс-уль-маталиб и занимается теперь составлением арабского словаря по европейской системе.¹

Из бейрутской типографии вышла история Ливана и там же издается Халилем Хури, одним из христианских поэтов, газета под именем Хадикет-уль-ехбар.² Этому пробуждению способствовало много, образовавшееся при содействии американских миссионеров из ученых туземцев и европейцев, Сирийское Общество, которое напечатало один том речей произнесенных его членами, а также не малую пользу приносили литературные вечера, составлявшиеся у Бутруса Бистани или других членов Общества, на которых обыкновенно были произносимы разными лицами речи касательно развития образованности в Сирии. По несчастью это общество уничтожилось со смертью его основателя мистера Смита, а литературные вечера прекратились вследствие различных недоразумений с Бейрутским Папшей.³

Кроме упомянутой типографии, как в Бейруте, так и в других городах существуют типографии, которых деятельность впрочем направлена более в сторону религии и ограничивается печатанием книг, касающихся церковного богослужения. В Каире существует до шести типографий, из которых ежегодно выходит по несколько сочинений по разным отраслям мусульманских наук; но можно сказать, что движение к сближению с европейской цивилизацией, заметное при Мухаммеде Паше, теперь совершенно прекратилось, и вся их деятельность ограничивается воспроизведением сочинений древних авторов. К тому же каирские типографщики смотрят на это как на дело чисто торговое, а потому издания их не отличаются большой верностью.⁴ Число же газет, издаваемых на арабском языке, в последнее время увеличилось. Так кроме упомянутой Хадикет-уль-ехбар, издается в Каире еженедельно дневник египетских событий. (Рузнамэ-иль-вакаи-иль-мисрие);⁵

¹ Общая характеристика обоих деятелей дана мною в статье «Исторический роман в современной арабской литературе», СПб. 1911 (оттиск из ЖМНП.), стр. 9-11.

² Первая арабская газета, основанная в Бейруте в 1858 г., появление которой было встречено сочувственно Reinaud (JA sér. 5, v. XII, 1858, 309-325) и Fleischer'ом (Kleinere Schriften, III, 103-151; ср. ZDMG, XII, 1858, 330). Предшественницей ее в Стамбуле явилась газета Мир'ат ал-ахвāl, основанная в 1855 г. Р. Хассуном (см. мою статью о нем, Восточный Сборник, I, 1926, 13-36).

³ Как теперь известно, Общество продолжало существовать, хотя было вновь легализовано турецким правительством только в 1868 г. Точные даты см. у Зейдана, تاريخ آداب اللغة العربية, т. IV, стр. 79-81. С сочувственным отзывом Гиргаса интересно сопоставить иронические замечания Порфирия (Успенского), Книга бытия моего, III, 410 и IV, 92-93.

⁴ Детальной истории арабских типографий посвящен ряд статей L. Cheikho в журнале ал-Маширѳ за 1900-1902 г.

⁵ Основана в 1828 г.

в Константинополе ель-джеваиб (известия) появляется два раза в месяц;¹ в Тунисе ер-раид (странник),² а в Париже — берджис-уль-барис (Парижский Юпитер).³ Все эти газеты отличаются бедностью содержания, так как большую часть своих известий они заимствуют из европейских журналов, ограничиваясь одним перепечатыванием и не пускаясь ни в какие рассуждения».⁴

Не менее ценна и третья часть «Отчета», посвященная наблюдениям над живыми арабскими наречиями. В русской науке есть аналогичный опыт, который принадлежит И. Н. Березину и относится к началу сороковых годов.⁵ При сравнении его с «Отчетом» Гиргаса легко заметить большой прогресс: у Гиргаса нет уже фантастических классификаций диалектов, перевес на стороне конкретного материала, имеется целый ряд верных замечаний, подтвержденных дальнейшим развитием науки. Изложение у него идет по известной системе: прежде всего он характеризует различия между литературным языком и разговорным, затем — различия внутри самих наречий сирийского и египетского, различия между ними обоими и, наконец, отличия палестинского от сирийского, с одной стороны, и верхне-египетского от средне- и нижне-египетского, с другой. Все эти данные и теперь сохраняют некоторое реальное значение, не говоря уже о том, что они открывают неизвестную страницу в истории изучения арабской диалектологии в России.

«Вторую целью моего путешествия было изучение областных арабских наречий, и по вышеизложенной причине я ограничился одним изучением сирийского и египетского диалектов, для чего я старался по возможности быть в частых сношениях с народом этих земель. Однако, прежде чем приступлю к изложению отличительных свойств этих двух диалектов, считаю необходимым сказать несколько слов о различии, существующем между арабским разговорным и литературным языком.

Различие это, существующее во всех языках, тем заметнее в арабском, что литературный язык установился с появлением корана; так что в настоящее время, за исключением некоторых новых слов,

¹ Выходила с 1860 по 1883 г.

² Основана в 1861 г.

³ Выходила в 1858-1862 г.

⁴ Общий очерк развития арабской журналистики дан М. Hartmann'ом в *Enzyklopaedie des Islām*, I, 1062-1065. Прекрасная работа Ф. Таррāзī, *تاريخ الصحافة العربية*, 2 тома, Бейрут 1913, остается к сожалению не законченной.

⁵ Подробности см. в моей статье «Мелочи для характеристики И. Н. Березина», ЗКВ, I, 187-189. Интересно отметить, что рецензия Reinaud на «диалоги» Березина, изданные в 1857 г., была напечатана в JA (V sér., v. XIV, 261-262) в 1859 г., т.-е. в то время, когда Гиргас был в Париже.

заимствованных отчасти из европейских языков, или же вновь образованных для выражения новых понятий, пишут точно также как писали за 1000 лет тому назад. Между тем, разговорный язык продолжал развиваться на основании свойственных этому языку законов. Таким образом, он более и более удалялся от литературного; оттого мы замечаем тот факт, что многие европейцы, превосходно изучившие арабский литературный язык, не в состоянии объясняться с народом и принуждены бывают вновь начать практическое изучение этого языка. Этому различию много способствовало то обстоятельство, что некоторые буквы арабского алфавита утратили свое значение в разговорном языке; произношение же других изменилось.¹ Так *гамза* исчезла в разговорном языке и заменяется *вау* или *ие*, буква *ح* произносится как *те* или *син*; *заль* обращается в *даль* или *за*; *сад* часто смешивается с *сином* и наоборот;² твердое *за* (*ب*) произносится иногда как *дад*; твердое *каф* произносится всеми городскими жителями Сирии и Египта как *гамза*, а бедуинами и жителями верхнего Египта как твердое *и*; мягкое *каф* произносится сирийскими бедуинами, поселенцами Палестины и египетской провинции бахрие как *ч*. Они говорят *ачаль* вм. *акаль*. Грамматика разговорного языка также пострадала, и в ней мы замечаем явную склонность к упрощению. Так двойственное число в именах и глаголах заменилось множественным и только в именах существительных форма родит. и винит. падежей употребляется для всех падежей двойственного числа. Разнообразие глагольных форм исчезло, и теперь для выражения страдат. залога прибегают к седьмой или восьмой формации; женский род множественного числа глаголов заменился мужским в спряжении, *мудари* всех лиц получает префикс *б*, а в первом лице множ. числа *м*. Определение времен производится другими средствами чем в литературном языке; так для определения настоящего времени прибавляется к глаголу приставка *-аммаль*, или *амма-аммаль биктуб*³ (он пишет), и *рах* для будущего *-рах биктуб*³ (он напишет). Вообще строение фразы в разговорном языке гораздо проще нежели в литературном. Наконец, разговорный язык продолжал развиваться и плодом этого развития было появление множества новых слов, образовавшихся совершенно правильно, на основании законов свойственных этому языку. Таким образом во время моего пребывания на Востоке я успел собрать до 6.000 слов, употребляемых в Сирии, Палестине, Египте, Саиде⁴ и не находящихся ни в каком словаре.

Изучение областных арабских наречий привело меня к тому

¹ Смешение букв и звуков встречается иногда даже в специально лингвистических трудах середины прошлого века.

² Гиргас имеет, вероятно, в виду такие случаи, как *مبسوط*, которое звучит теперь *мабсүт*.

³ Обычное в этой конструкции форма *йиктуб* без префикса *б*.

⁴ На полях приписка М. Т. Навроцкого: «Разве автор был в Саиде?».

результату, что кроме отличительных свойств сирийского и египетского диалектов, как в Сирии, так и в Египте существуют оттенки в произношении и образе выражения, неуловимые для европейского уха, по которым жители этих стран, тотчас узнают друг друга, из какой они области и даже из какого селения. Особенно же эти оттенки заметны в Ливанских горах, где часто в двух селениях, находящихся одно от другого на расстоянии версты, говорят совершенно¹ различно. Так например, смягчение долгой *фатхи* с последующим *емифом* известное у арабских грамматиков под именем *имале* (наклонение) свойственно одним жителям Бейрута, которые говорят *мёруни* вм. *мāруни*; точно также жители Назарета употребляют префикс гамзовых глаголов с *даммой* и говорят *-бокуль* вм. *бакуль* (я ем); в Каире часто можно слышать обращение *айна* в *ха*, если эта буква находится в середине или конце слова, так они говорят — *яхъуб* (يَحْبُوبُ^{٢٠}) вм. *якуб* (يَعْقُوبُ), *ляфах* (لَفْعُ) вм. (لَفْع) *ляфа*.

Главным же образом надо различать в этих странах два наречия: сирийское с палестинским и каирское с верхнеегипетским. Различие этих двух диалектов является в произношении и строении речи. Так в Сирии произношение более твердое, и горловые буквы: *ха*, *кха*, *айн*, *гайн*, произносятся гораздо тверже чем в Египте; где кроме того *джим* произносится как *им*. Строение речи и производство слов, по сознанию самих сирийцев, в Египте правильнее. Кроме того оба эти диалекта отличаются один от другого в употреблении местоимений указательных и наречий места. В Сирии говорят — *эда* (этот), *эди* (эта), *эти* (эти); *эдак* (тот), *эдик* (та), *эдул* (те); *эдон* (здесь), *эдики* (там); в Египте же *да* (этот), *ди* (эта), *дул* (эти); *дак* (тот), *дики* (та), *дулак* (те); *эна* (здесь), *энак* (там). Замечательное явление представляет также египетский диалект в употреблении местоимений указательных после имен существительных,² явление могущее быть объяснимым только заимствованием из коптского языка, так как оно совершенно противоречит духу арабского языка. Также в Египте чрезвычайно распространено употребление *шин* в конце глаголов после отрицания. Так они говорят — *ма шифтуш* (مَا شَفْتُوشْ) я его не видел. Наконец, употребление гласных знаков для выражения различных залогов в Египте более правильно; так глаголы страдат. залога получают всегда *кесру* в *мады* (прошедшем) и *фатху* в *мудары*; глаголы же действит. залога следуют общим правилам изменения гласных знаков.

¹ В оригинале слово подчеркнуто и на полях поставлен вопросительный знак рукой М. Т. Навроцкого.

² На полях оригинала рукой М. Т. Навроцкого: «Не с значением ли местоимений относительных?». На вопрос надо ответить отрицательно, так как отмеченная Гиргасом особенность египетского диалекта теперь общепризнана, см., напр., С. А. Nallino, L'arabo parlato in Egitto², Milano 1913, p. 37-39.

Таковы суть отличительные свойства обоих диалектов. Говоря об них, я упомянул также о палестинском и верхнеегипетском наречиях, потому что они имеют некоторые отличительные черты, по которым их нельзя смешивать с этими двумя диалектами. Так я уже упомянул, что палестинские поселяне выговаривают мягкое *кяф* как *ч*, произношение заимствованное, вероятно, от бедуинов; твердое же *каф* они произносят как мягкое *кяф* и говорят *кельб* вм. *кальб* (сердце); твердый *дад* выговаривается ими как твердое *за* (Ъ); также они сохранили произношение двух букв, исчезнувших в прочих землях Аравии, а именно: они произносят *ъ* и *заль*, не смешивая их ни с *те* или *сином*, ни с *дадь* или *зе*. В верхнем Египте¹ произносят *джим* как в Сирии, а *каф* выговаривается ими как твердое *г* и они говорят *култ лу* вм. *культ лу* (я ему сказал). Кроме того как в Палестине, так и в верхнем Египте употребляют множество слов не находящихся ни в сирийском, ни в египетском диалектах. Таковы суть особенности, вследствие которых, упоминая об этих двух диалектах, я счел необходимым отделить от них наречия Палестины и верхнего Египта.

При изучении областных арабских наречий я старался по возможности собирать народные песни, пословицы и поговорки; но разумеется, что в такое короткое время я не мог сделать большого собрания».²

Отчет В. Ф. Гиргаса был представлен Факультету в мае 1864 г. и с этого времени вновь начался петербургский период его жизни, продолжавшийся 22 года. Вторично на Восток Гиргас не попал; вероятно, этим и объясняется, что он не возвращался более к темам, затронутым в «Отчете». Если в его пробных лекциях и двух диссертациях еще можно видеть некоторое отражение тех областей, какими он занимался будучи на Востоке, то вопросов арабской диалектологии он никогда уже более не касался ни печатно, ни в своем преподавании.³ Некоторый интерес к арабской современной литературе у него сохранялся и находил себе по временам отражение в лекциях: в 1873—1874 и 1881—1882 гг. он предполагал читать со студентами четвертого курса стамбульский журнал *ал-Джавайиб*, в 1874—1875 г. на ряду с ним упоминается и бейрутский *ал-Джанна*.⁴

¹ Рукой М. Т. Навроцкого на полях приписано: «Но был ли автор в верхнем Египте?».

² На этом собственно отчет кончается; далее следует перечень 20 книг, приобретенных Гиргасом для библиотеки Университета в Египте и Сирии. Более полный список (в количестве 40 книг) был представлен Гиргасом в Факультет и помечен 2 ноября 1864 г.; в бумагах Факультета сохранялся и отзыв М. Т. Навроцкого о приобретенных книгах (от 28 октября 1864 г., входящий № 36)

³ Рукописные обозрения преподавания, представлявшиеся Гиргасом, имеются в делах Факультета под соответствующими годами.

⁴ () его преимущественном интересе к грамматическим вопросам говорят и те рукописи, которые были приобретены из его наследства библиотекой Университета (№№ 944 и 945).

Мне неизвестно, сохранились ли где-либо собранные им материалы, о которых он упоминает в «Отчете»: ¹ 6000 слов, употребляемых в Сирии, Палестине, Египте, Са'иде и не находящихся ни в каком словаре, народные песни, пословицы и поговорки. Единственным следом этих запятый является довольно значительный сборник народных пословиц (более 500 номеров) в рукописи-автографе Гиргаса, переданный мне бар. В. Р. Розеном не задолго до его смерти. ² Я откладывал его издание до возможности еще раз проверить записи на месте, но убеждаясь, что это едва ли удастся, предполагая приступить к обработке его для печати в ближайшее время.

Осенью и зимой 1864 г. Гиргас был занят подготовкой и печатанием своей магистерской диссертации «Права христиан на востоке по мусульманским законам», которая заменила первоначально намеченную тему. Одобрительный отзыв о ней с предложением напечатать был дан А. К. Казембеком 19 ноября 1864 г.; ³ защита состоялась 14 февраля 1865 г., ⁴ причем официальными оппонентами были А. К. Казембек и М. Т. Навроцкий. Работа Гиргаса имеет известное значение, как свод или классификация материала, но в своих теоретических построениях и выводах она отражает то младенческое состояние, в котором находилось изучение мусульманского права в эту эпоху, до работ голландской школы исламоведов, до трудов Kremer'a и Goldziher'a. Достаточно сказать, что обе основы мусульманского права — и *иджмā'* и *кыйās* определяются Гиргасом, как «сборник решений» халифов, сподвижников пророка и муджтахидов. ⁵ Официальный отзыв Казембека носит очень положительный характер, но ограничивается передачей содержания книги. Критика Навроцкого была, повидному, обстоятельна и местами довольно сурова. Об этом мы можем судить по

См. «Список...», стр. 6) Это сочинения كتاب الالفاظ والعصدي والتكملة والايضاح وفقه اللغة. Последние два переписаны его рукой, к первому им составлен подробный указатель.

¹ Книги из библиотеки Гиргаса приобретены частью Украинской Академией Наук (см. Восток № 2, 1923, стр. 181); некоторые арабские рукописи находятся в библиотеке Ленинградского Университета (см. Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки Имп. СПб. Университета, СПб. 1888, стр. 4, 5 и 6). О его собственных рукописях известий нет. Описание всех восточных рукописей, поступивших в библиотеку Ленинградского Университета из собрания Гиргаса, мною дано в ДАН-В, 1927, стр. 162 сл.

² Я упоминал о нем в ЗКВ, I, 191 и примеч.

³ Сохранился в делах Факультета за 1864 г. (входящ. № 40)

⁴ Ср. В. В. Бартольд, Материалы, IV, 146. В своем «Отчете» весной 1864 г. Гиргас смотрел более оптимистично на предстоящий срок, намереваясь представить и защитить диссертацию в сентябре будущего учебного года.

⁵ Стр 3-4. Понимание Гиргасом этих терминов не представляло чего-либо необычного в эту эпоху; близкие и столь же ошибочные взгляды высказывал преподававший на Факультете в начале 70-х годов мусульманское законоведение мусульманский ученый М. Османов. См. В. В. Бартольд, Материалы, IV, 154.

принадлежавшему ему экземпляру работы Гиргаса, который интерфолирован и снабжен его детальными замечаниями.¹ Среди коллег по Факультету работа встретила, повидимому, сочувственное отношение и не прошла бесследно. В брошюре профессора Д. А. Хвольсона «Возможны ли в Турции реформы в отношении христианских подданных?», выпущенной в 1877 г., видны сильные следы влияния диссертации Гиргаса: приводятся целые страницы из нее, не всегда с указанием источников.² Во второй части своей брошюры он дает, однако, общую оценку работы:³ «12 лет тому назад, профессор арабского языка при здешнем университете Владимир Федорович Гиргас напечатал превосходную статью, под заглавием: «Права христиан на Востоке по мусульманским законам». Все, что сказано в его статье на эту тему, основано на совершенно подлинных оригинальных источниках, перечисленных в предисловии (стр. II—IV). Это превосходное сочинение, написанное с значительным знанием дела, конечно, прошло совершенно незамеченным в нашей литературе, так как в нем нет речи ни о политической экономии, ни о рабочем вопросе, ни о дарвинизме». Русско-турецкая война 1877—1878 г. вообще заставила вспомнить про работу Гиргаса. Брошюра его ученика, профессора Лазаревского Института, Г. Муркоса «Некоторые отрывки об отношениях между мусульманами и немусульманами, извлеченные из Корана и других авторитетных у мусульман книг», которая была напечатана в Москве в 1877 г., очень близко примыкает к диссертации Гиргаса.⁴

Вскоре после защиты своего первого печатного труда Гиргасом были прочтены две пробные лекции: 21 апреля 1865 г. по назначению Факультета на тему «Система арабских филологов в отношении арабской грамматики» и 28 апреля по своему выбору «О предлогах в арабской грамматике». В первой из них можно видеть зародыши его будущей докторской диссертации «Очерк грамматической системы арабов», которая появилась через восемь лет. Утвержденный доцентом, он с осени 1865 г. начал свою преподавательскую деятельность, сначала совместно с Навроцким, а после его смерти (21 января 1871 г.) с бар. В. Р. Розеном, который был избран доцентом осенью 1872 г. Перерыв, когда Гиргас являлся единственным

¹ Книга была приобретена мною случайно у одного букиниста в начале 900-х годов вместе с некоторыми, неизвестно каким образом попавшими к нему, бумагами Навроцкого и Гиргаса.

² Ср., например, Хвольсон, стр. 12-15 (= Гиргас, стр. 67-69), где повторено даже примечание.

³ Стр. 18-19.

⁴ Ср. А. Крымский, Патриарх антиохийский Макарий XVII в. — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом Восточных Языков, вып. XXXVIII, М. 1913, Некролог Г. А. Муркоса, стр. 2.

преподавателем, был таким образом не велик и занял только полтора года.¹

Учебные планы того времени и система преподавания позволяли не обременять себя большим количеством лекций; число их у Гиргаса варьировалось от 5 до 8, при чем в последнюю цифру входили и лекции по истории арабской литературы, которые ему поручались особо с осени 1870 г. до избрания профессором в 1873 г., и по мусульманскому законоведению, которые он вел с весеннего семестра 1879 г.² до своего выхода в отставку; наблюдение за преподаванием мусульманского законоведения поручалось ему еще в начале 70-х годов.³ Бумаги Факультета дают возможность установить точную картину числа часов, читавшихся Гиргасом: с 1865 г. по весну 1870 г. у него было 5 лекций, с осени 1870 г. к ним прибавилось 2 лекции, специально порученных по истории литературы. Со смертью М. Т. Навроцкого с весны 1871 г. общее число лекций дошло до 8, но уже осенью 1872 г., при вступлении в число преподавателей бар. Розена, опять ограничилось шестью и оставалось таким до осени 1878 г. Весной 1879 г. ему было поручено чтение лекций по мусульманскому законоведению в количестве двух часов; программа была им представлена 30 января 1879 г. Число лекций по арабскому языку и литературе (6) оставалось неизменным до выхода его в отставку; специальный курс мусульманского права был в последние годы, повидимому, заменен чтением юридических текстов и сокращен до одного часа. Последнее обозрение преподавания было представлено Гиргасом даже на 1886—1887 г.

Уже на второй год его преподавания в число студентов поступил бар. В. Р. Розен. В возрасте между учителем и учеником была разница в 14 лет, но влияние шло, повидимому от младшего к старшему и определенно сказалось во всем направлении работы Гиргаса с того времени, как бар. Розен вошел в состав преподавателей Факультета. Гиргасу пришлось давать отзыв о двух диссертациях бар. Розена и быть на них официальным оппонентом;⁴ кроме них он выступал на докторском диспуте Гаркави

¹ Ср. В. В. Бартольд, Материалы, IV, 147.

² У В. В. Бартольда, Материалы, II, 99, прим. 2, сказано, что преподаватель мусульманского законоведения Османов уволен осенью 1881 г., после чего преподавание перешло к Гиргасу; это не точно, так как Османов первый раз уволен с 16 февраля 1879 г. (ср. Биографический словарь, II, 80 и Список, стр. 31). Верные данные приведены в Материалах, IV, 154, прим. 5.

³ Отзыв его в делах Факультета о преподавании М. Османова помечен 8 мая 1872 г. (входящ. № 43). Ср. Материалы, II, 98.

⁴ Оба отзыва сохранились в делах Факультета: о магистерской — от 20 января 1872 г. (входящ. № 22), о докторской — подписанный вместе с ним проф. Хвольсоном в протоколе Факультета 5 марта 1883 г.

20 октября 1868 г.¹ и систематически давал заключения о работах на степень кандидата.² Нередко ему приходилось бывать экспертом при оценке работ, поступивших в Факультет для отзыва; иногда эти работы опять направляли его внимание на новую литературу. Наряду с отзывом о переводе муаллаки Имруулқайса, представленном Г. Муркосом,³ он дает отзыв⁴ о его же переводе отрывка из путешествия патриарха Макария в Россию — начале долголетней работы, законченной как известно на рубеже XX в. В том же 1871 г.⁵ им дан отрицательный отзыв о современном полемическом анти-мусульманском трактате Д. Н. Шхаде.⁶ Около того же времени он составил по поручению Факультета списки коллекций рукописей Казембека и Тантави, приобретенных библиотекой Университета.⁷ В 1875 г. им дан отрицательный отзыв о неизвестном ближе русско-арабском словаре Попова.⁸

Административных должностей Гиргас, повидимому, никогда систематически не нес и только в бумагах его под 1874 г. есть упоминание о кратковременном исполнении им обязанностей секретаря Факультета с 20 апреля; с 1 июня он уже получил отпуск для летней поездки в Вильну.⁹ Подпись его «за секретаря» имеется в протоколах Факультета 18 января и 3 февраля 1878 г., а также в одной бумаге от 24 января 1878 г. в деле бар. В. Р. Розена.¹⁰

Его научная работа после утверждения доцентом направилась на докторскую диссертацию. Тема ее «Очерк грамматической системы арабов», предудказанная одной из пробных лекций, вероятно стояла в связи с занятиями Гиргаса еще на Востоке. Быть может, работа над грамматическими сочинениями потребовала поездки за границу в 1872 г., когда он был командирован с 1 июня по 15 сентября в Германию, Австрию и Францию.

¹ Ср. В. В. Бартольд, Материалы, IV, 145. Сама работа «Сказание мусульманских писателей о славянах и русских» была напечатана только в 1870 г.

² В бумагах Факультета сохранилось большое количество его отзывов, но они согласно принятому обыкновению лаконичны и кроме имени автора и заглавия работы ничего не дают.

³ Впоследствии дважды напечатан в Москве в 1882 и 1885 гг.

⁴ 18 января 1871 г. входящ. № 3.

⁵ 14 октября входящ. № 65.

⁶ Название его *حسر الشام عن الاسلام* совпадает с названием одного из сочинений Р. Хассуна. См. мою статью в «Восточном Сборнике», I, 1926, 26; полное заглавие его дано L. Cheikh, Catalogue des manuscrits des auteurs arabes chrétiens depuis l'Islam, Beyrouth 1924, 90 и 287, № 320.

⁷ См. Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки Имп. СПб. Университета, СПб. 1888, стр. 6, литера е.

⁸ 29 ноября, входящ. № 70.

⁹ Его рукой в делах Факультета написаны протоколы 25 апреля, 14 и 30 мая.

¹⁰ Дело Совета № 89, начатое 3 ноября 1871 г.

Зап. Колл. Вост., т. III.

Диссертация была защищена 21 ноября 1873 г., при чем официальными оппонентами выступали Д. А. Хвольсон и 24-летний бар. В. Р. Розен, уже год бывший помощником Гиргаса в звании доцента. Отзыв, написанный рукой Хвольсона, сохранился в делах Факультета.¹ Передав вкратце содержание работы, рецензент признает главное значение не за историческим введением, а изложением системы арабских грамматиков, указывая, что «по этой, главной части его труда, автор не имел предшественников». Барон В. Р. Розен в личных беседах отзывался довольно сдержанно о фактической части, отмечая систематическое смешение букв и звуков² и фатальную для многих арабистов путаницу между *алифом* и *хамзой*. Он же однако отмечал, что до сих пор в европейской литературе нет другого аналогичного произведения, которое давало бы в обозримой форме представление о системе арабской грамматики. Нельзя забывать и того, что благодаря приложенным текстам, европейская наука могла впервые ознакомиться в полном объеме с содержанием трактатов Сибавейха, ал-Фарисй и Ибн ал-Анбарй.³

Следующим естественным этапом университетской деятельности Гиргаса было избрание в экстраординарные профессора, утвержденное Советом Университета 17 декабря 1873 г.⁴ В деле Гиргаса имеется рукописная записка с представлением о нем Совету; хотя она и не подписана, но по почерку несомненна ее принадлежность В. В. Григорьеву, исполнявшему в это время обязанности декана Факультета.⁵ Для официальной бумаги она представляет некоторый интерес по стилю отдельных оборотов.

«Владимир Федорович Гиргас — воспитанник нашего Университета. Курс по Факультету Восточных языков кончил он в 1858 г., по разряду Арабско-персидско-турецкому, стало быть, для арабского языка пользовался еще лекциями Шейха Тантави. Преподавание знаменитого Шейха, должно полагать,⁶ и зародило в молодом ориенталисте ту любовь к языку и литературе Арабов, которой с тех пор преданся он неизменно. Вскоре по окончании курса обстоятельства кинули его в Париж. Два года, проведенные им в этой столице раз-

¹ Помечен он 14 ноября 1873 г., входящ. № 57.

² Это же наблюдается и в грамматическом очерке, данном в «Отчете».

³ Первый издан Degenbourg'ом в 1881—1889 гг., последний Weil'ем в 1913 г.; ал-Фарисй остается неизданным до наших дней.

⁴ Протоколы заседания Совета Имп. С.-Петербургского Университета № 9, СПб. 1874, стр. 58. В ряде источников, начиная с заметки, составленной бар. Розеном, неточно указывается 1874 г. См. Биографический Словарь, I, 186; М. Цион, Русский биографический словарь (Герберский — Гогенлое), М. 1916, стр. 229.

⁵ Он был утвержден деканом 12 января 1874 г. Ср. В. В. Бартольд, Материалы, IV, 177.

⁶ О сомнительности этого указания я уже говорил выше.

влечений, посвящены были Гиргасом, за вычетом времени для исполнения его обязанностей (губернерских), исключительно занятиям избранною им специальностью под руководством тамошних знатоков дела. Это решительное расположение к предмету и сведения, в нем приобретенные, указывали на Гиргаса, как на того из питомцев Факультета В. Я., который надежнее других мог занять в нем кафедру Арабского языка и Словесности, опустевшую со смертью Шейха Тантави. Для окончательного приготовления к этой кафедре и отправлен был Гиргас, по рекомендации факультета, в Египет и Сирию, в 1861 г. Там предстояло ему не только усовершенствовать познания свои собственно в Арабском языке, но и ознакомиться с сущностью мусульманского быта и образования. Это исполнено было с его стороны самым добросовестным образом: под руководством разных местных шейхов прочел он важнейшие трактаты по богословско-юридическим, словесным и другим, преподаваемым на Мусульманском Востоке наукам и сделался, таким образом, как сказали бы французы, un agabe accompli.¹ Возвратившись из совершенного им путешествия, Гиргас выдержал в 1865 г. экзамен на магистра по Арабской Словесности² и защитил, на эту степень, диссертацию «О правах христиан на Востоке по мусульманским законам». Избранный и утвержденный, вследствие того, доцентом по кафедре Арабской словесности, Владимир Федорович занялся, чтобы сделать из себя семитолога, каким требуется ныне быть, языками родственными арабскому, еврейским и сирийским. Справившись же с этою задачей, написал и защитил, в нынешнем году, диссертацию на степень доктора, под заглавием: «Очерк грамматической системы Арабов». Факультет В. Я. не замедлил избрать его единогласно в экстраординарные профессора, и надеется, что этот выбор его будет вполне одобрен и Советом Университета».

Выполнив обязательное в то время требование двух диссертаций, Гиргас обратился к той области, в которой его деятельность оставила наибольший след в русской арабистике и ясно чувствуется до наших дней,— к составлению университетских пособий. С грамматикой дело обстояло сравнительно благополучно, благодаря недавно (1868 г.) выпущенной работе Навроцкого; не было ни серьезной хрестоматии, ни словаря, ни каких бы то ни было пособий по истории литературы и по мусульманскому праву. Все эти настоятельные потребности были удовлетворены Гиргасом и в этом его основная заслуга.

Уже через год после диссертации он выпустил «Очерк арабской лите-

¹ Конец фразы приписан на полях карандашом той же рукой.

² Как отмечено выше, магистерское испытание было закончено Гиргасом 6 февраля 1861 г.

ратуры», к которому и теперь часто обращаются начинающие арабисты. По одной случайно сохранившейся у меня тетради его подготовительных материалов к этому «Очерку» можно видеть, какую массу труда и систематичности внес в свою работу Гиргас. Нужно к нашему стыду сказать, что и теперь — через 53 года мы не можем указать на русском языке ни одной работы, которая вполне бы заменила литографированный «Очерк» Гиргаса.

После этого его мысли, быть может под влиянием бар. Розена, направляются на составление хрестоматии.¹ Работа ведется обоими составителями совместно; прозаическая часть обрабатывается преимущественно Гиргасом, поэтическая бар. Розеном. В «Деле» Гиргаса мы находим под 1874 г. обращение ректора Университета в Академию Наук с просьбой о предоставлении проф. Гиргасу в виду подготовки им арабской хрестоматии права получать рукописи из Азиатского Музея на дом.² Академией разрешение было дано, но с обязательством брать не более одной рукописи единовременно.

О всей деятельности Гиргаса в 70-х годах лучше всего говорит отзыв бар. Розена, который был дан при представлении его к избранию в ординарные профессора 16 октября 1878 г.³

«Со времени избрания в экстраординарные профессора В. Ф. Гиргас получил возможность приступить к исполнению давно задуманного плана, состоящего из создания целого ряда учебных пособий по преподаваемому им предмету. Вскоре, после защищения докторской диссертации «Очерк грамматической системы арабов», о научном значении которой Факультет имел честь заявить Совету по поводу избрания В. Ф. в экстраординарные профессора — В. Ф. Гиргас издал «Краткий обзор истории арабской литературы». Это первый подобный труд на русском языке, и он служит прекрасным путеводителем по тому лабиринту имен и заглавий, в котором⁴ до сих пор приходилось блуждать всякому начинающему арабисту.

В 1876 г. окончена была печатанием давно задуманная и подготовленная «Новая арабская хрестоматия», предназначенная заменить совсем уже устаревшую хрестоматию Болдырева. Так как я сам принимал участие в ее составлении, то ограничусь⁵ указанием на то, что

¹ В бумагах Факультета первое заявление Гиргаса об отпуске средств на печатание хрестоматии помечено еще 25 ноября 1873 г.

² Прошение Гиргаса об этом в делах Факультета помечено 23 февраля 1874 г. (входящ. № 20).

³ Протоколы заседаний Совета Имп. С.-Петербургского Университета № 19, СПб. 1879, стр. 30-31. Отзыв этот пропущен мною в списке печатных работ бар. В. Р. Розена в Приложении к т. XVIII Записок Восточного Отделения, СПб. 1909, стр. 39.

⁴ В «Протоколах» напечатано «которых».

⁵ В «Протоколах» вставлено лишнее «тоже».

в ней, кроме статей разнообразного литературного содержания, помещены также статьи научного характера, как изданные, так и неизданные.¹ Это указание необходимо для верной оценки другого труда Владимира Федоровича, который вполне заслуживает название *капитального*. Я разумею арабско-русский словарь, к составлению которого В. Ф. приступил немедленно после окончания хрестоматии, и первая часть которого ныне готова в рукописи.² Словарь этот, конечно, прежде всего специальный к хрестоматии, но В. Ф. решился внести в него еще все слова Корана и значительное число других употребительнейших арабских корней. Благодаря же характеру хрестоматии, в нем будут помещены и многие научные термины, так что этот словарь по окончании будет служить совершенно достаточным пособием для изучения арабского языка не только в объеме университетского курса. Я имел случай основательно ознакомиться с оконченной частью этого труда и могу смело заявить о высоких его достоинствах. Автор постоянно обращался к лучшим лексикографическим источникам для определения формы каждого слова, чем он избег массы ошибок, вкравшихся в известные словари Фрейтага и Казимирского. Особенное внимание В. Ф. обращает на толкование слов, и глубокая обдуманность его толкований равно как и постоянное стремление представить по возможности ясную картину постепенного развития значения слов придают его труду вполне научное значение. Специально же для нашего Факультета издание его будет настоящим благодеянием: всякий знает, как неудобно и вредно отсутствие учебных пособий на родном языке, как много драгоценного времени тратится совершенно непроизводительно, когда приходится пользоваться н. пр. словарем, толкования которого писаны на варварском латинском диалекте, каков³ язык употребительнейшего до настоящего времени арабско-латинского словаря Фрейтага.

Составление словарей, как известно, дело очень трудное, и поглощает в течение долгих лет все время составителя. Оно почти совершенно отнимает возможность заниматься столь заманчивыми для всякого филолога изучением неизданных памятников. Тот, кто имеет понятие о богатом запасе именно арабских неизданных памятников, которым справедливо славятся наши библиотеки, поймет, как трудно именно для арабиста устоять против искушения погрузиться всецело в исследование этих неизвестных и малоизвестных памятников.

Нельзя поэтому не ставить в особенную заслугу В. Ф. Гиргасу самоотверженную его преданность интересам подростающего поколе-

¹ Работа над составлением «Арабской хрестоматии для I курса» была выполнена главным образом, повидимому, бар. Розеном. Его рукой написано в Факультет заявление об уплате за переписку ее лектору Ф. Кельзи (1874 г., входящ. № 17).

² Заявление об отпуске средств на печатание словаря подано В. Ф. Гиргасом в Факультет уже 12 ноября 1878 г. (входящ. № 47).

³ В «Протоколах» — «как».

ния, и Факультет Восточных Языков, который всегда высоко ценил плодотворную профессорскую и научную деятельность своего уважаемого сочлена, считал своим долгом выразить В. Ф. Гиргасу свое уважение, избрав его *единогласно* в ординарные профессора.

Факультет убежден, что Совет вполне одобрит это решение Факультета».

Словарь был выпущен, как известно, в 1881 г.¹ В следующем году к числу пособий, обязанных своим появлением Гиргасу, присоединился еще перевод с голландского «Основных начал мусульманского права» Ван ден Берга.² Эта работа стоит несравненно выше магистерской диссертации; дополнения и примечания переводчика показывают, что он вполне овладел как источниками, так и литературой предмета и продолжает систематически за ней следить. И до настоящего времени книга остается едва ли не лучшим пособием по мусульманскому праву на русском языке.

Только с 80-х годов Гиргас имел возможность перейти к работам не учебного, а чисто научного характера. Он принял участие в международном предприятии — составлении указателей к известной антологии X в. «Книга песен» (*Kitāb al-aḡānī*). На его долю пришлось четыре тома (XV—XVIII) из двадцати одного; экземпляр, над которым работал Гиргас, находится в библиотеке Ленинградского Университета и по нем можно проследить обычную тщательность и систематичность его работы. Напечатан был указатель как известно через тринадцать лет после его смерти, в 1900 г.

Около того же времени он приступил к работе над изданием истории Абū-Ḥанīфы ад-Дīнаверī,³ известной тогда в единственной рукописи Учебного Отделения Министерства Иностранных Дел. Эта работа возникла под прямым воздействием бар. Розена, отказавшегося от своего первоначального намерения самому издать первоклассный памятник, который был им списан в 1875 г.⁴

Выхода в свет этого издания Гиргасу не суждено было дожидаться так же, как и указателя к «Книге песен»: уже с конца 70-х годов здоровье начало ему окончательно изменять и форсировать свою трудоспособность становилось невозможным. Одним из последствий его пребывания на востоке

¹ Извещение Казанской Университетской Типографии об отправке его из Казани помечено 1 мая 1881 г. (находится в бумагах Факультета).

² Преподавание мусульманского законоведения было поручено Гиргасу, как указано выше, в весеннем семестре 1879 г.; об отпуске сумм на печатание перевода Ван ден Берга он входит в Факультет с ходатайством 5 ноября 1880 г.

³ Заявление об отпуске средств на печатание подано Гиргасом в Факультет 10 ноября 1884 г.

⁴ Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales, SPB, 1877, p. 14, note 2. Ср. Н. Медников в Приложении к XVIII тому ЗВО, стр. 4.

явился туберкулез, развившийся на почве малярии. С самого начала своего петербургского периода он старается проводить лето вне столицы, чтобы несколько укрепить свои силы. Излюбленным местом у него является Павловск: в бумагах есть следы пребывания его здесь летом 1867—1869, 1871, 1873, 1876 и 1878 гг. Родственные связи влекли его наряду с этим в западный край: летом 1874 г. он едет в г. Вильну,¹ в 1877 г. — для лечения на воды в Друскеники Гродненской губернии. Однако, в 1879 г. ему приходится уже ехать на кумыс в Самарскую губернию. Последний раз в Виленскую губернию он едет в 1881 г. и оттуда переезжает в Киевскую. С этого времени ежегодно (1882—1886) летом он берет отпуск для поправления здоровья в Киев и Киевскую губернию. Ухудшающееся здоровье заставляет его 22 марта 1886 г. подать прошение об отставке еще до истечения 25-летнего срока службы. Летом он уезжает в Киев в отпуск, но уже 15 августа получает отставку по болезни.² Единственной связью с Университетом остается издание истории ад-Дйнавері, которое печатается с субсидией из специальных средств: 12 ноября 1886 г. Факультет делает представление об отпуске некоторой суммы на окончание издания, из которого отпечатано уже 37 полулистов.³ С этой работой связаны и те сочувственные слова, которые посвящает Гиргасу университетский отчет за 1886 г. по случаю его выхода в отставку.⁴ Однако, этой работы он не закончил:⁵ менее чем через месяц после того как отчет был читан на торжественном акте 8 февраля 1887 г., В. Ф. Гиргас умер в Киеве.⁶ Женат

¹ На свидетельстве есть пометка об остановке в «доме Грузинской».

² В. В. Бартольд, Материалы, IV, 185, прим. 1.

³ Заявление Гиргаса об этом, находящееся в делах Факультета, помечено 12 октября 1886 г.

⁴ Годичный акт Имп. С.-Петербургского Университета 8 февраля 1887 г., СПб. 1887, стр. 10-11. Отчет, редактированный проф. Дювернуа, содержит ряд неточностей: говорится, что Гиргас «по окончании курса в 1858 г. был по ходатайству Факультета командирован на Восток; вернувшись через два года, опубликовал свою магистерскую диссертацию»... Обе его диссертации названы неверно: «О правах христиан по мусульманскому праву» и «Очерки грамматической литературы арабов».

⁵ Судьба этого издания изложена мною в предисловии к нему «*Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-ḏibār at-tīwāl. Préface, variantes et index. Leide 1912*».

⁶ Точной даты смерти мне не удалось установить. Автор статьи в Русском Биографическом Словаре М. Цион указывает (стр. 230) 18 марта; это невозможно, так как в заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества уже 5 марта бар. Розен сообщил о кончине Гиргаса (ЗВО, т. II, стр. III). Во всех некрологах, равно как и в заметке, составленной бар. Розеном для «Биографического Словаря», везде говорится глухо «в начале марта» без указания числа; недоразумение у М. Циона объясняется тем, что некролог Гиргаса был помещен в номере «Московских Ведомостей» от 18 марта. В упомянутом предисловии к истории Абū-Ḥанīфы (стр. 8) мною было указано 26 февраля на основании ZDMG, v. XLI, 1887, Nachrichten III. Эта дата повторена в некоторых рецензиях на мою работу, (Seybold'ом в ZDMG LXVII, 1913, 539, Streck'ом

он не был и после него остались только сестры, занимавшиеся педагогической деятельностью.¹

Говорят, что в науке всегда кто-нибудь должен быть жертвой, а кто-нибудь пользоваться этой жертвой. Я не знаю, верна ли эта формулировка вообще, но что она верна для России это не подлежит сомнению. Здесь развитие науки всегда шло ненормально и всегда двигалось вперед только благодаря жертвам, приносимым учеными. Так было и в недавнее ненормальное время, так было и в старые «нормальные» времена; иначе и не может быть в стране, где культурой слегка затронут только тонкий верхний слой. И в этом смысле Гиргас был жертвой: свою очень не долгую для нормального европейского ученого жизнь он пожертвовал на то, чтобы облегчить последующим поколениям первые шаги на научном поприще, отказавшись от личной научной работы.

Вопрос другой, чувствовал ли он сам себя жертвой. Его спокойный и уравновешенный характер, повидимому, отвечал на это отрицательно и, может быть, именно к такого рода работе влекли его личные склонности. Но что он был способен к чисто научному труду, об этом яснее всего говорит издание Абū-Ханīфы ад-Дйнаверī и черновые материалы, освещающие методы и приемы его работы. Во всяком случае, его жертва достигла своей цели блестяще: начиная с 70-х годов до последнего времени, частью еще и теперь, все русские арабисты учатся по его книгам. В этом направлении он сделал больше, чем кто-либо из арабистов за весь XIX и XX в. Весьма возможно, что по отношению к нему бар. Розен сыграл роль такого же *spiritus movens*, каким он был для младшего поколения. Но исполнителем явился все же преимущественно Гиргас и благодаря ему главным образом русские арабисты получили то, чего никогда не имели в таком масштабе ни иранисты, ни туркологи. С его ролью можно только отчасти сравнить роль Болдырева в первой половине XIX в.

Но и в другом отношении велико значение Гиргаса в истории русской арабистики: он был первым русским арабистом в европейском масштабе. Закончив свое научное образование за границей, он впоследствии с достоинством занял место в ряду европейских коллег. Я сознательно и в этом пункте не касаюсь влияния на него бар. Розена, но им одним нельзя объяс-

в OLZ 1913, 35, Cheikho в ал-Машриқ XV, 1912, 552) и в брошюре А. Неуне, *Orientalistisches Datenbuch*, Leipzig 1912, p. 16. Полной уверенности в ее справедливости на основании указанных соображений у меня теперь нет. Все справки, которые производились мною в Киеве, не повели ни к каким результатам.

¹ Б. Л. Модзалевский указал мне трех представительниц фамилии Гиргас с тем же отчеством: Ольгу, Софию и Любовь. Все они кончали курс в Смольном Институте (в 1857, 1860 и 1862 гг.) и были там впоследствии классными дамами и учительницами.

нить всего. Имя Гиргаса в Европе хорошо известно и увековечено до сих пор популярной арабской хрестоматией, необходимым каждому арабисту указателем к «Книге песен» и известным всякому арабисту изданием истории Абū-Ḥанīфы. Русская арабистика оглядываясь на свою немногим более чем вековую историю имеет право гордиться этим именем, которое никогда в ней не будет забыто.

Книги Гиргаса заслонили его личность: печатная литература о нем крайне незначительна, и количественно и качественно. Начало его учебной деятельности было отмечено еще при его жизни историографом университета В. В. Григорьевым¹ и историком преподавания восточных языков в России Н. И. Веселовским.² Смерть вызвала небольшое количество некрологов в С.-Петербургских и Московских изданиях:³ «Новостях»,⁴ «Московских Ведомостях»,⁵ «Всемирной Иллюстрации». В «Отчете» Университета за 1887 г. о нем упоминания нет, хотя помещен некролог К. И. Люгебиля (ум. 28 декабря 1887 г.), вышедшего в отставку вместе с ним. Библиограф русской литературы Д. Д. Языков упомянул Гиргаса в 1892 г.,⁷ а через год краткая заметка о нем была включена в «Энциклопедический Словарь» Брокгауза и Эфрона.⁸ В 1896 г. бар. В. Р. Розен поместил его биографию в «Биографическом Словаре профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского Университета за истекшую третью четверть века его существования 1869—1894»;⁹ заметка носит формулярно-деловой характер и сопровождается списком печатных работ В. Гиргаса.¹⁰

¹ Императорский С.-Петербургский Университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб. 1870, стр. 328, 384, 45*, XXIX и CIV.

² Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб. 1879, стр. 135.

³ В Киевских газетах некрологов не нашлось; розысками в периодической печати я во многом обязан М. А. Бикжановой.

⁴ От 16 марта 1887 г., № 73. Некролог подписан буквой В. и составлен лицом, знакомым с отзывом бар. Розена о словаре Гиргаса, из которого повторены отдельные фразы; однако он не принадлежит бар. Розену, так как делает ссылку на последнего в третьем лице.

⁵ От 18 марта № 76. Перепечатка предшествующего с той же подписью В. и с той же опечаткой в заглавии диссертации Гиргаса «Права крестьян на востоке по мусульманским законам».

⁶ От 28 марта, № 950.

⁷ Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Выпуск VII. Русские писатели умершие в 1887 г. М. 1892, стр. 21-22.

⁸ Том XVI, 1893, 752. Перепечатано во 2-м изд., III, 591 с той же ошибкой в дате рождения — 1836 г.

⁹ Том первый, СПб. 1896, стр. 185-186.

¹⁰ Его можно дополнить лишь составленным под редакцией Гиргаса «Отчетом» С.-Петербургского Университета за 1880 г.

Незначительна заметка в «Большой Энциклопедии», относящаяся к 1902 г.¹ Этапы его университетской работы прослежены В. В. Бартольдом в истории Факультета.² Последние по времени известные мне биографические заметки помещены мною в «Русской Энциклопедии»,³ С. А. Венгеровым в «Критико-биографическом Словаре русских писателей и ученых»⁴ и М. Ционом в «Русском Биографическом Словаре».⁵ Формулярные сведения повторены кратко Н. И. Веселовским в редактированном им «Списке профессоров и приват-доцентов Факультета Восточных Языков Императорского, бывшего Петербургского, ныне Петроградского Университета, с 1819 г.».⁶

Мне думается, что архивные материалы, привлеченные в настоящей статье, обрисовывают несколько полнее, чем это было сделано до сих пор, фигуру русского арабиста, имя которого неразрывно связано с именем бар. В. Р. Розена.

И. Крачковский.

Ленинград.
Февраль — март 1927 г.

¹ Изд. Просвещение, т. VI, стр. 739.

² Материалы для истории Факультета Восточных Языков. Том четвертый. СПб. 1909, стр. 93, 94, 122, 125, 126, 145, 146, 147, 154, 175, 182, 185. Некоторые, относящиеся к нему документы помещены в «Материалах», том второй, СПб. 1906 (указатель, стр. 305).

³ Изд. Деятель, т. V (1913 г.), стр. 426.

⁴ Второе издание, том I, СПб. 1915, стр. 180.

⁵ Том «Герберский — Гогенлоэ», М. 1916, стр. 229-230. Заметка не лишена неточностей, о которых была речь выше.

⁶ Напечатан около 1916 г., на правах рукописи, стр. 6-7.